

УДК 821.111 (087.5)

Зелезинская Наталья Станиславовна
старший преподаватель кафедры теории и
практики перевода
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Zelezinskaya Natalia
Lecturer of the Department of Translation
Theory and Practice
Belarussian State University
Minsk, Belarus
zelennew@tut.by

Личко Мария Юрьевна
студент факультета социокультурных
коммуникаций
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Lychko Maria
Student of the Faculty of Sociocultural
Communications
Belarussian State University
Minsk, Belarus
lichko@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЕМА НЕНАДЕЖНОГО НАРРАТОРА В ДЕТСКОЙ ЭКОЛИТЕРАТУРЕ

FUNCTIONAL CAPACITY OF THE UNRELIABLE NARRATOR IN ECOLOGICAL LITERATURE FOR CHILDREN

Статья освещает прием ненадежного рассказчика и два пути его восприятия детской литературой: интерпретационный и жанровый. В ракурсе последнего ненадежный нарратор современного детского романа рассматривается как преемник поэтики анималистической сказки. В статье показана преемственность от поэтики фольклорных анималистических сказок к авторским сказкам с героями-животными Б. Поттер, Л. Кэрролла,

М. Бонда к современному детскому экологическому роману, представленному книгами С. Пеннипакер, Р. Брауна и Э. Хантер. Обозначены функции ненадежного нарратора в этом жанре.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *эколитература; детская литература; ненадежный нарратор; персонаж; анималистический жанр.*

The shift in the focus of literature and general humanities from anthropocentrism to diversity and equality, blurring the boundaries between the central and the marginal, has not only provided animals with a discernible voice in the narrative, but also made this voice a carrier of the main ideas of the creative works. This tendency is clearly manifested in ecological literature for children and teenagers, where the traditional protagonist is combined with the narrator, creating conditions for the main function of the genre – to promote ecological consciousness – and a whole range of additional functions: characterological, expressive, and emotive. Using the technique of the unreliable narrator, the author manages to show the difference between consumer consciousness and ecological consciousness, to expose the absurdity of the idea of human hegemony over nature, to present a number of controversial collective attitudes, offering to question the familiar and to try to switch to a new type of thinking – ecotinking.

Key words: *ecological literature; children's literature; unreliable narrator; character; animalistic genre.*

Термин *ненадежный нарратор* был введен У. Бутом – американским литературным критиком. В своей книге «Риторика художественной литературы» (*The Rhetoric of Fiction*) (1961) он пишет: «Я называю нарратора надежным, если он говорит и действует в соответствии с нормами произведения (то есть с нормой имплицитного автора) и ненадежным, когда такого соответствия нет» [1, р. 158–159]. Сегодня исследователи классифицируют ненадежного нарратора по причине его ненадежности. Среди таковых причин выделяют сознательное сокрытие правды, неадекватную оценку реальных событий, проблемы с восприятием, памятью и мышлением, болезни, в первую очередь, близорукость, искаженную в результате недостаточного или деструктивного жизненного опыта картина мира и способность к аксиологическому суждению, манипулятивность, скрытность, неведение и т.п. Такое разнообразие делает этот прием достаточно универсальным, чтобы появляться и в детской литературе: «Приключения барона Мюнхаузена» Р. Э. Распе, «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова, «Хроники Прайдена» Л. Александера. Авторы данных произведений не скрывают любовь рассказчиков к фантазерству. Однако чаще в детской литературе ненадежность возникает как следствие особенностей детского развития и восприятия (далеко не всегда в деструктивном плане), как в случае с героем-нердом в «Порри Гаттере» А. Жвалевского и И. Митько. Большинство же исследователей причисляют к данному списку все книги, в которых рассказчик-ребенок демонстрирует наивный/детский/неопытный/ограниченный/категоричный взгляд на мир (Гекльберри Финн, Холден Колфилд). Ненадежный рассказчик органично вписывается в поэтику произведения для детей, поскольку юный читатель гораздо больше подготовлен к этому «взрослому», чем принято считать. Принимая с первых лет жизни существование сказочных говорящих животных, сверхъестественных существ,

волшебных помощников и предметов, и, таким образом, рано сталкиваясь с художественной условностью, ребенок – это «субъект со сложившимся комплексом ожиданий и в той или иной степени осозанным и отлаженным механизмом эксплуатации читательских навыков» [2, с. 2].

Более того, вся художественная литература, жанрово апеллирующая к анималистическим сказкам, предполагает введение говорящих животных, их антропологичное поведение и имена, ряжение, подробности народного быта, интеллектуальный уровень бесед и размышлений, общение на равных с человеком, чаще с ребенком и демонстрирует если не ненадежного рассказчика, то, по крайней мере, смещение точки зрения. Удачным примером тут могут быть любимые многими поколениями сказки Б. Поттер, демонстрирующие две точки зрения, причем ненадежность повествования достигается за счет точки зрения героев-детей и животных, а объективный взгляд передан взрослым, чей голос сливается с авторским. Так в сказке о миссис Туфф (Mrs. Tiggy-Winkle's) девочка общается с прачкой, из чепчика которой торчат шпильки и иголки, а в конце истории обнаруживается, что это вовсе не прачка, а ежика [3]. В сказке про Джемайму Кряк читатель наблюдает происходящее глазами утки, которой приходится убегать в лес в поисках спокойного места для гнезда и подвергаться опасности со стороны хитрого «джентльмена с рыжими бакенбардами» [Там же], а в самом конце сказки с голоса недиегетического повествователя, сливающегося с образом автора, мы узнаем, что наседка из Джемаймы Кряк все же вышла некудышняя. Данную повествовательную манеру вполне можно оценивать в ракурсе ненадежности точки зрения утки, все время подчеркивавшей несправедливость хозяйки.

Вышеприведенные примеры демонстрируют два пути введения в арсенал детской литературы приема ненадежного нарратора: и н т е р п р е т а ц и о н - н ы й и ж а н р о в ы й. В первом случае читатель должен самостоятельно угадывать степень (не)надежности рассказчика за счет намеков в тексте или культурно-исторического контекста, впрочем, детям автор изрядно подсказывает. Второй способ предполагает жанровые ожидания, в рамках которых ненадежный нарратор воспринимается как неотъемлемый элемент поэтики произведения. Второй тип ближе детской литературе как с точки зрения поэтики, так и из-за особенностей детского восприятия – для адекватной оценки идейно-художественного содержания произведения практически никаких отдельных усилий не требуется – и является расширением приема смещения точки зрения: мишка с опилками в голове придумывает способ выбраться из затопленного дома и спасти друга, у медведя из Перу целая система ложных представлений о цивилизованной жизни, Алиса вынуждена ориентироваться в замысловатых подсказках и подозрительных историях за чайным столом, Кролик вообще выступает трикстером – прагматически их точка зрения идентична ненадежному нарратору, поскольку оба приема ставят перед ребенком одинаковые задачи: вывести завравшихся персонажей на чистую воду, разделить «реальность» говорящих игрушек и «выдуман-

ность» слонопотамов и т.д. Обогащение арсенала жанра анималистической сказки приемом ненадежного нарратора в результате гибридизации с романом представляется логичной ступенью его развития.

Расцвет жанра сказок в поздневикторианскую эпоху Х. Карпентер объясняет неуверенностью взрослых в собственном мире, в завтрашнем дне, который заставлял людей предпочесть публичности собственную семью, получая от детей чувство безопасности и стабильности» [4, р. 65]. Не удивительно, что эта традиция успешно развивается в XXI в., для которого катастрофичность и отсутствие чувства безопасности стала доминантой мироощущения.

Одна из причин катастрофического мироощущения – страх за экологическую безопасность человека и природы. Ввиду сверхактуальности этой темы сегодня экороманы набирают все большую популярность, развиваются как идейно, так и художественно. К числу экороманов относятся роман «Пакс» С. Пеннипакер и серия романов «Коты-воители» Э. Хантер. В первом из них ненадежных нарратора два: мальчик и лис, во втором – множество диких котов, населяющих лес. Оба апеллируют к длинному ряду анималистических сказок. С. Пеннипакер, следуя образцам классической английской детской литературы, оставляет ребенка центром универсума, Э. Хантер отказывается от него в пользу «кошкоцентричного» мира.

Завязкой первой книги серии служит приход рыжего домашнего котенка к диким лесным котам. Разные коты попеременно оказываются рассказчиками в зависимости от своего присутствия на месте событий. Как указывает А. В. Жданова, «ненадежная наррация выявляется на фоне ментальных признаков человекоподобия – таких, как знание, восприятие, понимание и т.д.; в противном случае в тексте будет отсутствовать когнитивный центр, с которым надлежит соотнести ненадежность» [2]. Несомненно, коты антропоморфны, но их ментальность специфична: они верят в Звездное племя и прямое вмешательство предков в их судьбы, подчиняются снам, читают знаки судьбы, верят, что разделение на племена предначертано самим устройством мира и преодолеть границу невозможно если не физически, то морально и т.д. Однако к середине серии нарастает необходимость объединиться против общего врага – человека, который выступает в книге синонимом катастрофы, смерти, разрушения и опасности. Мысль о том, что люди нарушают правила экосообщества, теснят диких зверей ради своих потребностей (строительства домов и дорог) сопутствует всем книгам серии, но кульминации она достигает в романах «Восход луны» и «Рассвет» (2005), где человеческая деятельность начинает угрожать самому дорогому – лесу, дому, жизни.

Пока коты пытаются расшифровать предсказание предков о грядущей экологической катастрофе, в лесу начинаются первые изменения: *“The biggest monster the cats had ever seen had been forging a dreadful path through the forest, scoring deep ruts into the earth and tearing up trees by their roots. The huge, shiny monster had rolled inexorably through the bracken, roaring and belching smoke while the cats scattered helplessly before it. For the first time,*

Leafpaw began to understand the danger to the forest, which had been prophesied twice now. The doom that had been foretold was coming upon the forest, and Leafpaw did not know what any cat could do to stop it” [5].

Читателям не составляет труда понять, что в лесу появилась строительная техника, рабочие валят лес, расширяют дорожное полотно, строят развязку и скоро проложат новое шоссе на месте исчезающего леса. Но дикие животные не мыслят такими категориями, не понимают происходящего, руководствуются только инстинктами и крошечным опытом общения с людьми (всегда отрицательного). Поэтому их изображение действительности отличается ненадежностью, но также эмотивностью, прямотой и открытостью, свежестью подачи, отсутствием привычных эвфемизмов. Цель такого повествования – указать на ненормальность определенной ситуации (в данном случае, вырубке лесов), на ее катастрофичность для живых существ, на нелепость происходящего.

Ту же функцию выполняет ненадежный нарратор в «Паксе». Старый лис объясняет молодым, что такое война: *“War came to the land where I lived with humans. Everything was ruined. There was fire everywhere. Many deaths, and not only the war-sick, the adult-males. Children, mothers, elders of their own kind. All the animals. The men who were sick with the disease spilled their chaos over everything in their path”* [6, p. 65]. Он не может подумать, что такой ужас люди делают сознательно, преследуя определенные цели, поэтому решает, что война – заразная болезнь. Прямота речи животных заставляет по-новому взглянуть на то, к чему человечество уже привыкло.

Речь рассказчиков насыщена метафорическими окказионализмами, конгруэнтными категориям мышления животных. Коты называют людей Двуногими (Twolegs) и описывают исключительно негативной лексикой, машины описаны как чудища со светящимися глазами, пролетающие по Гремящим Тропам (дорогам). Отдельной разновидностью чудищ являются чудища в желтых шкурах, которые валят деревья и издают невероятный смрад, на самом деле это трелевочные тракторы: *“The forest that had been safe for as long as she could remember was suddenly a frightening place, invaded by the Twolegs and their monsters”* [7]. Наивный нарратор в «Паксе» также находит выражение в окказионализмах. Так, Пакс называет слезы на лице Питера «водой боли» и тревожится, хоть и не подозревает, что от него откажутся и оставят одного в холодном лесу. Лисенок подробно описывает момент расставания, читателю передаются не только его боль, но и мучительное неведение. Таким образом, ненадежный нарратор способствует формированию антропоморфного мира произведения.

Смежные функции ненадежного нарратора – экспрессивная и эмотивная. Из-за непонимания ситуации и обнажения противоречий реальности во всей их неприглядности и катастрофичности ужас животных во многих ситуациях сильнее того, что испытали бы на их месте люди. *“Leafpaw stood trembling, looking back and half expecting the monster to burst through the trees in pursuit. ‘I hate them!’ she spat. ‘They’ve no right to come here. What did we ever do to harm them?’”* [5].

В смятении и страхе за будущее четырех племен четверо котят отправляются в долгое путешествие, чтобы исполнить волю предков. Главы о путешествии представляют собой поочередные рассказы каждого из котят и перемежаются с главами, состоящими из рассказов оставшихся в лесу котов. Таким образом, прием ненадежного нарратора удвоен за счет оппозиций «люди–животные» и «взрослые–дети». «Двойной» прием ненадежного нарратора позволяет поднять вопросы экологической безопасности и указать на существующее в обществе непонимание их сути, нежелание их решать; проводить параллели с юными активистами-экологами и властями, нежелающими тратить бюджет на экологию. Книга пробуждает не только сожаление, грусть и переживание за животных и природу, но и злость на людей, которые уничтожают все живое.

В ракурсе идейно-художественного содержания экороманов интересно рассмотреть теорию о функциональности ненадежного повествования Дж. Фелана, который предлагает понятия *отдаляющей* (*estranging*) и *связывающей* (*bonding*) *ненадежности*. Первая увеличивает эмоциональную или этическую дистанцию между читателем и нарратором, вторая – сокращает [8, р. 225]. Это также означает в первом случае аксиологический диссонанс между нарратором и имплицитном авторе, во втором – их совпадение. Определенно, в детских экороманах мы наблюдаем второй тип: читатель представляет себя тем или иным котенком, проявляет симпатию, сочувствие, увлеченность, разыгрывает сценки из любимых книг. Идеи «Котов-воителей», «Пакса» не в последнюю очередь проводятся через когнитивную эмпатию к рассказчикам вне зависимости от степени надежности их повествования: дети сопереживают котяткам-рассказчикам, даже когда те заблуждаются и сообщают нам неверную информацию, а заблуждения лисенка и ошибки Питера только сближают их с ребенком-читателем, вызывают жалость, сочувствие, беспокойство.

Таким образом, все функции ненадежного нарратора рассмотренных произведений способствуют выполнению главной задачи жанра – проведению экоидей и формированию экосознания у молодого читателя. «Коты-воители» и «Пакс» – яркие примеры экоромана, который формально ориентирован на природу (не на человека), а содержательно – на взаимовлияние человека и природы. В экороманах показывается, что человеческий интерес понимается не как единственный законный интерес, а окружающая среда, природа и животный мир представлены как процесс, нежели как некая константа. Ненадежный нарратор фокусирует внимание читателей на безоружности и наивности дикого мира перед изощренностью и хитростью человека, помогает убедить, что мы должны быть внимательнее к более слабым, но не менее нас достойным жить на этой планете. Таким образом, ответственность человека перед окружающей средой является частью этической ориентации текста. Можно заметить, как авторы посредством наделения животных даром речи или способностью рассказывать читателю

о тех или иных событиях от своего лица позволяют сделать животных-персонажей субъектами, а не объектами, чья ценность, значение и благосостояние не всегда зависит от человека, а даже наоборот, человек и обесценивает животных, лишает прав и обезличивает.

Говоря об экосознании как о «комплексе философских, психологических, моральных и образовательных установок, которые в совокупности образуют единицы поведения человека, социальных законов и гуманистических ценностей, направленных на гармоничное сосуществование человеческого сообщества с природным окружением» [9, с. 103], мы отмечаем в рассмотренных произведениях тематический интерес к темам войны как противного человеку и природе действия, исчезновения ореолов естественного обитания диких зверей, жестокости и нечестности людей по отношению друг к другу и к животным, культурным различиям и предрассудкам, смерти как части естественного процесса и как насильственного акта, проблеме экологии не только в природе, но и в межличностных отношениях. Обсуждение данных тем с ребенком через книги и через живое общение формирует экосознание молодого поколения, наличие которого является залогом совместного счастливого будущего человека и природы. Совмещение ролей героя и рассказчика (диегетический нарратор) в экороманах формирует антропоморфность как доминанту поэтики. Высокая частотность использования приема ненадежного нарратора, в том числе и в детской литературе, связаны с такими проявлениями коллективной чувствительности, как неуверенность, отсутствие чувства безопасности, катастрофичность. Данные выводы имеют теоретическую значимость для понимания не только семантики, но и структуры детской эколитературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Booth, W. C.* The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. – Univ. of Chicago Press, 1961. – 543 p.
2. *Жданова, А. В.* К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации / А. В. Жданова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – №2. – С. 151–164.
3. *Potter, B.* The Complete Tales: Peter Rabbit [Electronic resource] / B. Potter. – A Collection of Beatrix Potter Stories. – Warne, 2006. – 400 p. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/582/pg582-images.html>.
4. *Carpenter, H.* The Same but Different: Conservatism and Revolution in Children's Fiction / H. Carpenter / Children's Literature: Approaches and Territories. – Milton Keynes : Open University, 2009. – P. 56–69.
5. *Hunter, E.* The Warriors. Dawn / E. Hunter. – HarperCollins, 2015. – 400 p.
6. *Pennypacker, S.* Pax / S. Pennypacker. – Balzer + Bray, 2016. – 224 p.
7. *Hunter, E.* The Warriors. Moonrise / E. Hunter. – HarperCollins, 2015. – 336 p.

8. *Phelan, J.* The Implied Author, Deficient Narration, and Nonfiction Narrative: Or, What's Off-Kilter in The Year of Magical Thinking and The Diving Bell and the Butterfly? / J. Phelan // *Style*. – Penn State University Press, 2011. – Vol. 45, No. 1. – P. 119–137.

9. *Рагачэўская, М. С.* Цывілізацыя і прырода ў творах сучасных англамоўных і беларускіх аўтараў / М. С. Рагачэўская. – *Вестн. МГЛУ, Серия 1, Филология*. – 2013. – No 2. – С. 103–110.

Поступила в редакцию 17.02.2021